

Го Цзыань чувствовал себя немного неловко, заметив, что на утреннем сколе, который так грубо отломил Бай Шаньцзюнь, одна часть слегка выступала наружу. Правда, мякоть сахарного тростника пробыла на воздухе чуть дольше, чем нужно, и её цвет немного потемнел.

Подумаешь, прошло всего-то времени как на завтрак, решил Го Цзыань и не стал придавать этому значения. Развернув стебель, он откусил как раз от того выступающего кусочка.

Хотя это был всего один укус, глаза Го Цзыаня недоверчиво округлились.

Зелёная кожура действительно скрывала сладость, но при этом она вовсе не казалась приторной — напротив, ощущалась невероятная свежесть. То, что растёт на Земле, заслуживает разве что названия жмыха, но этот мир давал настоящий, сочный сахарный тростник. Текстурой он немного напоминал соты и в то же время волокнистую мякоть, которая так легко пережёвывалась, что проглатывание не доставляло абсолютно никаких проблем.

Подражая речи Бай Шаньцзюня, Го Цзыань произнёс с акцентом:

— Хоу-сы.

Улыбнувшись, Бай Шаньцзюнь сощурил глаза в полумесяцы.

Для зверолода-самца накормить своего партнера и позволить ему отведать вкусной еды было одновременно обязанностью и честью.

Видя, как трудно Го Цзыань справляется с угощением, Бай Шаньцзюнь протянул руку и попросил отдать то, что тот держал в руках.

Го Цзыань передал стебель Бай Шаньцзюню. Зная вьедливость последнего, он верил, что тот уже понял: очистить эту кожуру ему самому не по силам. Однако Го Цзыань опасался, что Бай Шаньцзюнь попытается содрать её зубами.

Даже оказавшись в этом иномирном краю, он всё равно ни за что не хотел есть подобие разжёванных бабушкой куриных лапок без костей.

Изначально Бай Шаньцзюнь действительно собирался сгрызть зелёную кожуру зубами для Го Цзыаня. Они были парой, они обнимались и целовались, так что он не видел ничего плохого в том, чтобы сперва надкусить угощение самому, а потом отдать Го Цзыаню. В их племени многие пары так и делали — откусывали по очереди. Бай Шаньцзюню даже казалось, что в этом есть какая-то особенно близкая и нежная романтика.

Но заметив смущение и тревогу на лице Го Цзыаня, он не рискнул использовать зубы для очистки сахарного тростника.

Сначала Бай Шаньцзюнь провёл ножом по кругу возле места, где держал тростник, сделав насечку. Затем он плавно и равномерно погладил стебель.

Сперва Го Цзыань растерялся, но вскоре заметил, как на поверхности тростника выступил слой инея, и понял, что именно делает Бай Шаньцзюнь.

Когда кожа промёрзла насквозь и полностью затвердела, Бай Шаньцзюнь приложил усилие — та потрескалась и отделилась от мякоти, тогда как сама сердцевина внутри даже не схватилась льдом.

Увидев это, Го Цзыань слегка расширил глаза. Способность управлять заморозкой у Бай Шаньцзюня оказалась куда мощнее, чем он предполагал.

Улыбнувшись, Бай Шаньцзюнь протянул очищенный тростник Го Цзыаню:

— Кушай.

Взяв угощение, Го Цзыань почувствовал приятное тепло на душе.

Хотя Бай Шаньцзюнь и таил в себе опасность, он ещё ни разу не причинил ему вреда, да к тому же относился очень хорошо. Го Цзыань подумал, что судил о благородном человеке по меркам собственных мелких мыслишек.

Под ожидающим взглядом Бай Шаньцзюня Го Цзыань откусил кусочек.

По сравнению с тем вкусом, что успел выветриться от долгого контакта с воздухом, эта свежая мякоть оказалась ещё слаще и свежее. Но больше всего Го Цзыаня радовала возможность от души наслаждаться этим вкусом, откусывая огромные куски. Такое наслаждение шло ни в какое сравнение с жалкими попытками урвать крошечный кусочек.

Правда, поскольку он только что позавтракал, порция оказалась слишком большой, и осилить её целиком Го Цзыань не смог.

И пока он ломал голову над тем, как же сохранить оставшийся сахарный тростник, Бай Шаньцзюнь забрал у него этот небольшой обломок и в два счёта умял его целиком.

Го Цзыань:.....

Но... на этом тростнике ведь осталась его слюна...

Бай Шаньцзюнь не видел в этом абсолютно никакой проблемы, его вид оставался совершенно

невозмутимым.

Го Цзыань почувствовал себя неловко, решив, что поднял слишком много шума из ничего. Другой человек даже не думал смущаться из-за слюны, так к чему же ему, пришедшему в этот первобытный мир, проявлять такую изнеженность?

Мысленно Го Цзыань выругал Тот Самый Тушёный Свиной Шарик: не занимайся тот странными ухаживаниями, он бы и не стал воспринимать их с Бай Шаньцзюнем чистые отношения в столь странном ключе.

Утром они доели последнего Большеного Зайца, так что сегодня, разумеется, предстояло заново отправиться на охоту.

Го Цзыань собирался пойти с Бай Шаньцзюнем, чтобы заодно познакомиться с пригодными в пищу животными и растениями. Кто же знал, что стоит ему немного навести порядок в лагере и повернуться, как Бай Шаньцзюнь исчез.

Го Цзыань:.....

Ладно, проехали.

Хотя заячью кровь принёс Бай Шаньцзюнь, да и в горе шкур, обглоданных костей и кожуры тоже была его доля, но ведь жил-то здесь он сам, да и ел чужое. Убрать здесь было вполне логично, вполне логично.

Маленькой лопаткой Го Цзыань собрал мусор в специальный большой пластиковый пакет и, отыскав малопосещаемое место, выбросил шкурки от тростника и заячьи кости. Вообще-то закопать их в землю было бы куда лучше — так они разложились бы быстрее, да и не пришлось бы опасаться наступить на собственные отходы. Но вокруг раскинулся густой лес, а закапывать что-либо означало сперва срубить нафиг всю окружающую растительность. Игра не стоила свеч.

Ополоснув пластиковый пакет у реки, Го Цзыань вернулся к палатке с чистой тарой.

На этом дела не заканчивались: ему предстояло взрыхлить землю там, где раньше лежала туша хромого зайца. Какая бы крупная ни была дичь, пусть по дороге стекло немало крови, во время последующей разделки на грунте всё равно осталось её изрядное количество.

Вчера он не стал ничего убирать лишь потому, что рассчитывал на живущего в соседней пещере Бай Шаньцзюня.

К тому же в нём теплился крошечный эгоистичный интерес: ему безумно хотелось узнать, насколько силен Бай Шаньцзюнь на этой территории. Сравнение помогло бы осознать глубину

пропасти между их возможностями.

Самым наглядным способом, несомненно, стал бы прямой поединок между ними.

Однако Го Цзыань не был дураком, чтобы без всякой причины портить столь с трудом обретенную дружбу. Даже если бы ему никогда не довелось узнать истинную разницу в силе, он всё равно обязан был сохранить нынешнюю мирную жизнь.

Зная, что хозяин соседней пещеры — это Бай Шаньцзюнь, и что тот вовсе не собирается его выгонять, Го Цзыань без лишних раздумий вскопал землю вокруг палатки, выдернул сорняки, а затем хорошенько утрамбовал грунт камнями.

Раньше он не наводил здесь порядок лишь потому, что в любой момент был готов сорваться с места. Но когда дело дошло до реальной уборки, хлопот оказалось немало.

Го Цзыань с большим трудом расчистил площадку радиусом в два метра, а на дворе уже стоял полдень.

Мясо зайца закончилось, крупные личиги и гигантские эноки остались нетронутыми. Что же до оставшейся половины толстого стебля сахарного тростника, то Го Цзыань попытался подрезать его маленьким ножом, но кожура толщиной почти в полсантиметра, разумеется, не поддавалась. Зато мякоть срезалась без всяких проблем.

Не имея возможности очистить толстый тростник, Го Цзыань мог лишь молча переглядываться с ним, мысленно пообещав однажды раздобыть подходящий инструмент и устроить с этой палкой битву.

Не то чтобы у него совсем не было выхода, но затраченное на еду время и время на возню совершенно не стоили друг друга. У Го Цзыаня хватало другой еды, так почему он должен заикливаться на половине палки тростника, которой всё равно не наешься?

Насладившись таким количеством натуральных и вкусных блюд, Го Цзыань вдруг поймал себя на том, что скучает по химическим пищевым добавкам современной промышленности.

Порывшись в запасах и перебрав всё подряд, он наконец остановил свой выбор на лапше быстрого приготовления со вкусом квашеной капусты и говядины.

Опасаясь, что в будущем больше не сможет её попробовать, Го Цзыань с самого появления в первобытном мире не выбрасывал ни единой пачки. На упаковках всегда указывался состав. Даже если химические добавки распознать не удастся, общее представление об ингредиентах останется, и тогда, если захочется воссоздать вкус, он сможет хотя бы приблизительно подобрать нужные компоненты.

Когда вода в котелке забурилась, Го Цзыань бросил туда брикет лапши. Она варилась мгновенно, и в нос ударил знакомый аромат, в котором смешались и восторг, и лёгкая тоска.

Рыбу и медвежью лапу одновременно не получишь.

Еда в этом мире и правда была невероятно вкусной. Но в конце концов, он двадцать пять лет прожил в современном обществе, и его неизменно тянуло назад — к сетям, играм, жареной курице, гамбургерам, счастливой воде толстяка...

Теперь даже ради того, чтобы просто съесть пачку лапши, ему приходилось всё тщательно обдумывать. В рюкзаке-то оставалось всего семь пачек.

С этой мыслью Го Цзыань с грустью высыпал приправы в кипяток.

Подождав пару минут, он переложил готовую лапшу в миску и принялся за еду, уплетая за обе щеки. В мыслях мелькнуло: бульон от лапши можно приберечь на вечер, сварить в нём те же зноки. Интересно, каков на вкус кислый суп с говядиной и грибами?

Рассуждая о планах на ужин, он ел лапшу, как вдруг появился вернувшийся Бай Шаньцзюнь.

Заметив его — в одной руке тот держал дикого фазана, а в другой зелёный толстый сахарный тростник, — Го Цзыань, сидевший с миской в руках и в одиночку уплетавший лапшу, невольно почувствовал неловкость.

Го Цзыань думал, что первобытные люди охотятся днем, и их распорядок дня наверняка мало отличается от древнего: они едят дважды в расчете на день, а про обед не слышали. Именно поэтому он и не стал готовить порцию на Бай Шаньцзюня.

И вот теперь тот застал его врасплох, да еще и сам вернулся с добычей, глядя на него с таким ожиданием... От этого на душе сделалось по-настоящему... стыдно.

Уловив доносившийся из котелка дивный аромат, Бай Шаньцзюнь испытал сильное волнение.

Однако, заглянув внутрь и обнаружив там лишь капельку бульона да странные зелёные листья, но без тех самых упругих извилистых нитей, что лежали в миске у Го Цзыаня, он испытал лёгкое разочарование.

Он никак не ожидал, что партнёр не приготовит еду и для него.

Но в то же время догадка Го Цзыаня подтвердилась: самцы-зверолюды обычно уходили на охоту на весь день, поэтому, находясь в племени, самки питались только по утрам и вечерам.

Если самец не приносил ничего съестного, самки не готовили обед. А стоило им всё-таки сварить его, как небольшую часть непременно оставляли для добытчика. В конце концов, в племени львиная доля еды самок добывалась именно самцами.

Увидев, как Го Цзыань трапезничает, Бай Шаньцзюнь наивно решил, что тот оставил порцию и для него.

Впрочем, он тут же принялся себя утешать. В конце концов, речь шла о тех обычных самках из племени. Те почти не участвовали в охоте — на промысел выбирались лишь те, кто лишился своих мужчин и должен был добывать пропитание для детёнышей. Го Цзыань же жил в лесу один, умел сам добывать еду и заботиться о себе.

Столь способный Го Цзыань ел вовсе не добытое им мясо, так что даже если бы он не оставил ни крошки, это было бы вполне справедливо.

Бай Шаньцзюнь уверял себя, что прекрасно справился с эмоциями, однако пара тигриных ушей и хвост тут же поникли, выдав его истинное настроение.

Го Цзыаню стало одновременно и смешно, и жалко этого здоровяка. Подумаешь, пачка лапши! Ну что за болван.

Ему пришлось вернуться в палатку и отыскать для Бай Шаньцзюня точно такую же пачку лапши.

Увидев, как Го Цзыань извлекает на свет странный свёрток, Бай Шаньцзюнь уставился на него полными любопытства глазами.

Заметив этот интерес, Го Цзыань решил распечатать пачку целиком, чтобы тот мог насмотреться вдоволь. Однако, вскрыв упаковку, он зорким взглядом заметил, что чего-то в ней не хватает.

Где же пакетик с приправами?

Го Цзыань вытряхнул брикет лапши — на дне пакета валялась лишь пара крошек, а специи, которые должны были лежать рядом, испарились без следа.

Го Цзыань:.....

В его памяти тут же всплыло давнее проклятие, брошенное вослед похитителю оленьих рогов: чтоб тебе есть лапшу без приправ! Кто бы мог подумать, что и правда попадётся пачка без специй.

Пусть эта лапша принадлежала ему самому, даже открой он её не для Бай Шаньцзюня, однажды такая бракованная пачка всё равно бы попалась. Но совпадение оказалось донельзя ироничным: из семи оставшихся лапш именно в этой, предназначенной для угощения Бай Шаньцзюня, отсутствовали приправы.

Впрочем, в краже оленьих рогов Бай Шаньцзюнь был неповинен.

Опасаясь, что запах привлечет диких зверей, Го Цзыань тогда и выставил рога у входа в чужую пещеру. Хозяин пещеры, вернувшись и обнаружив и палатку, и рога на пороге, вполне мог принять их за подарок от соседа — и в этом не было ничего удивительного.

В конце концов, то странное создание в виде Большеного Зайца, невесть откуда объявившееся перед палаткой, скорее всего, тоже принёс Бай Шаньцзюнь.

Тот одарил его зайцем, он в ответ — рогами, всё честно.

Даже если зайца принёс не он, сам факт соседства с пещерой Бай Шаньцзюня оставался неизменным. Вокруг не крутились хищники — значит, он незримо находился под его защитой. Если бы потребовалось заплатить за эту безопасность, Го Цзыань счёл бы это разумным и смог бы принять.

Вот только он не знал, существовало ли в этом мире рабство, и не вздумает ли Бай Шаньцзюнь обращаться с ним как с рабом?

Стоило этой мысли промелькнуть, как Го Цзыань тут же отбросил её. Рабство подразумевает поражение в схватке, но Бай Шаньцзюнь ни разу не поднимал на него руку и вдобавок вёл себя крайне вежливо, так что вряд ли он мог оказаться рабом.

Вспомнив, как Тот Самый Тушёный Свиной Шарик исполнял перед ним нечто вроде брачного танца, Го Цзыань задумывался и о том, не отличаются ли здешние представления о полу от принятых в современном обществе мужчин и женщин. Быть может, то, что казалось ему однополыми отношениями, в глазах Бай Шаньцзюня выглядело гетеросексуальными?

В фантастических произведениях встречались миры с шестью полами вроде системы ОМЖ, а также концепции с разделением на мужчин, женщин и двойняшек. Среди животных и вовсе существовали виды, способные менять пол по собственному желанию, или вовсе однополые расы.

Но раз уж Бай Шаньцзюнь станцевал перед ним лишь подобие школьной зарядки, не стоило делать столь категоричные выводы.

Чистая дружба возможна и между противоположными полами, да и однополые отношения вовсе не гарантируют безопасность.

Не понимая культуры иномирной цивилизации, в своих догадках он мог опираться лишь на фантастические сюжеты из современного мира.

Придётся действовать наощупь: сначала обустроить быт, а уж потом разбираться со всем остальным.

Рассуждая так, Го Цзыань опустил брикет лапши в кипящий бульон.

Хорошо хоть он решил оставить бульон для вечерней варки грибов, иначе Бай Шаньцзюню и вовсе не досталось бы этой полной химии лапши.

Пока блюдо варилось, Бай Шаньцзюнь с любопытством наблюдал за варевом, время от времени бросая на Го Цзыаня робкие, исполненные невыразимого ожидания взгляды.

Ростом метр девяносто пять, с кожей цвета бронзы, он сидел, плотно сдвинув колени, а его тигриный хвост по-прежнему обвивал щиколотку — одновременно послушный и дикий вид.

Го Цзыань признавал за собой слабость к красивой внешности, поэтому от одного взгляда на такого Бай Шаньцзюня вся печаль по потерянной пачке лапши тут же испарилась.

— Это тебе, — Го Цзыань указал палочками на Бай Шаньцзюня.

Услышав слово «есть» и заметив жест в свою сторону, тот мгновенно просиял. Поникшие тигриные уши тут же торчком встали макушке, а хвост сильнее сжался вокруг щиколотки — очевидно, в этот момент зверь испытывал смесь возбуждения и нервного трепета.

Бай Шаньцзюнь указал то на лапшу, то на себя, словно не веря собственным глазам и переспрашивая, неужели это действительно ему?

С улыбкой Го Цзыань кивнул.

Получив подтверждение, Бай Шаньцзюнь пришёл в неописуемый восторг: он сжал обе руки в кулаки, взволнованно ими тряхнув, и изо всех сил попытался унять охватившее его ликование.

В конце концов, ему было всего девятнадцать лет, и во многом он оставался мальчишкой.

Лапша сварилась быстро. Выловив её вместе с бульоном в большую суповую миску и добавив вилку, Го Цзыань протянул её Бай Шаньцзюню.

Тот окинул взглядом своё угощение, перевёл глаза на жалкое подобие тарелки без бульона в руках у Го Цзыаня, после чего решительно отобрал у него блюдце, взамен всучив большую

миску.

Увидев полные ладоши наваристой лапши, Го Цзыань почувствовал, как сердце наполняется теплом.

— Кушай, — промолвил Бай Шаньцзюнь, заметив, что тот застыл в оцепенении.

Улыбнувшись, Го Цзыань покачал головой:

— Давай я переложу обратно.

Этот увалень был настолько простодушен, что даже ему, стреляному городскому воробью, стало стыдно.

Делить лапшу он не стал, но взял пустую тарелку, зачерпнув в неё немного лапшичного бульона. Посуда у Го Цзыаня была рассчитана на одну порцию: отдав суповую миску Бай Шаньцзюню, он лишился сосуда, куда можно было бы положить и лапшу, и жидкость.

Заметив, что блюдце лежит на камне, а миска находится в руках, и сопоставив это с тем, как Го Цзыань только что ел из тарелки, Бай Шаньцзюнь сообразил: тот намерен и дальше использовать именно её.

Взглянув на заметно более скромную порцию в тарелке Го Цзыаня, он нахмурился. Присев на корточки рядом, он неуклюже подцепил вилок порцию лапши и принялся перекладывать её к Го Цзыаню.

Го Цзыаню очень хотелось сказать, что изначальный вес брикетов был одинаковым, и его порция кажется меньше лишь потому, что половину он уже умял. Но, столкнувшись с упрямым взглядом Бай Шаньцзюня, он проглотил все возражения.

Эх, ладно уж, побудет немного халявщиком. Большой дурень.

Приняв заботу этого большого глупыца, Го Цзыань смирился с тем, что в его тарелке в итоге оказалось даже больше лапши, чем в суповой миске.

Сердце от этого сделалось одновременно тёплым и переполненным.

<http://bllate.org/book/19322/1890010>